
«Индийский» и «русский» Толстой: «свой» среди «чужих» и «чужой» среди «своих»*

© 2021 г. С.М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

E-mail: sklimova@hse.ru

Поступила 01.02.2020

Статья рассматривает феномен «позднего» Льва Толстого в контексте его религиозной позиции. Анализируются реакции на его учение в русских государственных и официальных православных кругах, с одной стороны, и индийской мысли – с другой. Реконструированы два социокультурных «образа» Л.Н. Толстого: «своего» и «чужого», возникших в контексте осмысления позиции русской церкви и власти и индийских общественных и религиозных деятелей (в том числе и Махатмы Ганди, находившегося под его влиянием). Возникает своеобразный феномен интеллектуально «своего» Л.Н. Толстого среди культурно «чужих» (индийских) корреспондентов и интеллектуально «чужого» Толстого среди культурно «своих» (представителей официальной власти и церкви России). Своеобразие данной ситуации придает тот факт, что эти образы Л.Н. Толстого возникают практически в один и тот же период времени. Автор осуществляет сопоставление этих образов, базируясь на приеме «остранения» (В. Шкловский), позволяющего наглядно продемонстрировать религиозную составляющую толстовской критики политической сферы жизни и вместе с тем понять психологические причины ее неприятия в российских официальных кругах. С помощью методологического приема «остранения» автор пытается показать, что мнение Толстого-писателя становится одновременно и голосом совести для многих его современников. Прием остранения позволил автору показать, каким образом внутренний закон *ненасилия* Льва Толстого повлиял на концепцию ненасильственного сопротивления в учении Ганди.

Ключевые слова: индийская переписка Толстого, остранение, неучастие, ненасильственное сопротивление.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-27-35

Цитирование: Климова С.М. «Индийский» и «русский» Толстой: «свой» среди «чужих» и «чужой» среди «своих» // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 27–35.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00100 «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог»).

*Indian and Russian Tolstoy: one among strangers and a stranger among one's**

© 2021 Svetlana M. Klimova

HSE University,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: sklimova@hse.ru

Received 01.02.2020

The article examines the phenomenon of the *late* Lev Tolstoy in the context of his religious position. The author analyzes the reactions to his teaching in Russian state and official Orthodox circles, on the one hand, and Indian thought, on the other. Two sociocultural *images* of L.N. Tolstoy: *us* and *them* that arose in the context of understanding the position of the Russian Church and the authorities and Indian public and religious figures (including Mahatma Gandhi, who was under his influence). A peculiar phenomenon of intellectually *us* L.N. Tolstoy among culturally *them* (Indian) correspondents and intellectually *them* Tolstoy among culturally *us* (representatives of the official government and the Church of Russia) transpires. The originality of this situation is that these images of Lev Tolstoy arise practically at the same period. The author compares these images, based on the method of *defamiliarisation* (V. Shklovsky), which allows to visually demonstrate the religious component of Tolstoy's criticism of the political sphere of life and, at the same time, to understand the psychological reasons for its rejection in Russian official circles. With the methodological help of *defamiliarisation* the author tries to show that the opinion of Tolstoy (as the writer) becomes at the same time the voice of conscience for many of his contemporaries. The method of defamiliarisation allowed the author to show how Leo Tolstoy's inner law of nonviolence influenced the concept of nonviolent resistance in the teachings of Gandhi.

Keywords: Tolstoy's Indian correspondence, defamiliarisation, non-participation, nonviolent resistance.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-27-35

Citation: Klimova, Svetlana M. (2021) "*Indian and Russian Tolstoy: one among strangers and a stranger among one's*", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2021), pp. 27–35.

В конце XIX – начале XX в. имя Л.Н. Толстого было, без преувеличения, известно в каждой части света. Мощный «телескопический эффект» (У. Эдгертон) его идей затронул многих людей в Западной Европе, США, Азии в целом и, конечно, в среде индийских интеллектуалов¹. 1908 г., пожалуй, для всего мира стал годом Толстого. О его 80-летию знали и в Индии, хотя интерес к его учению там начался гораздо раньше². Первые письма из Индии датируются 1896–1897 гг., а письма молодого адвоката Мохандаса Карамчанда Ганди в 1909 г. можно считать некоторым итогом этой масштабной переписки. Чувствуется, что его письма дороги Толстому, так как «...Ганди пишет не только о единстве взглядов, но о том, что принципы ненасильственного сопротивления уже применяются (курсив мой. – С.К.) им в борьбе за права индийцев» [Загородникова (ред.) 2013, 232]³. Письмо Толстого от 7 сентября 1910 г. к Ганди звучит как

* The work is supported by the Russian Science Foundation under grant 19-18-00100.

завещание своему духовному преемнику: «...ваша деятельность в Трансваале, как нам кажется, на конце света есть дело самое центральное, самое важное из всех дел, какие делаются теперь в мире и участие в котором неизбежно примут не только народы христианского, но и всего мира» [Загородникова (ред.) 2013, 213]. 30-летний Ганди вступил в переписку с 80-летним Толстым, когда тот уже был известен и уважаем в Индии. Например, индийский брахман Баба Премананд Бхарати в письме от 27 января 1905 г.⁴ писал: «Мой многоуважаемый Махатма! “Махатма” на санскрите значит “Великая душа”. И Вы такой и есть от глубины своей души до макушки головы. Вы тот самый человек, по-настоящему великий в ослепленном властью и тщеславием материалистическом Западе... Я задумался, а каковы были Ваши прежние рождения, потому что я нашел в ваших взглядах неопровержимое свидетельство Вашего прошлого брахманского сознания» [Там же, 57, 59].

Это было написано примерно в те годы, когда Россия была наводнена литературой, посвященной Толстому. Особое место здесь занимали представители официальной государственной позиции и духовенство, которые отрекались от Толстого всеми возможными способами. Постановление Святейшего Синода 1901 г. об «отпадении графа Толстого от Церкви» стало толчком к многочисленным «крестовым походам» против писателя; правительство и церковь предпочитали излюбленные способы борьбы с инакомыслием – *цензуру*, *замалчивание*, объявление русского гения, *выжившим из ума* стариком. «Сотни статей и дюжины книг и буклетов были написаны о новом лжепророке из Ясной Поляны защитниками церкви. Так называемые профессиональные православные писатели опубликовали 85 книг и буклетов и 260 статей о Толстом» [Kolstø, 2006, 305–306].

В июне 1908 г. Синод выпустил постановление о «запрете верующим чадам» участвовать в праздновании его 80-летнего юбилея, объявив всех его поклонников «соучастниками в его безбожной деятельности»⁵. А русский праведник и будущий святой православной церкви – о. Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) записал в своем Дневнике вечернюю молитву, в которой просил «взять с земли», «...прибрать отъявленного безбожника, клеветника на духовенство – Льва Толстого» [Кронштадтский 1908] еще до его юбилея (до августа 1908 г.). Его проповеди против Толстого издавались гигантскими тиражами, доходя до 40 000 экз. каждая. О. Иоанн обвинял Толстого за то, что его позитивно воспринимали индийские корреспонденты; он не признавал его *учительства*, назвав последнее антихристовым совращением и «лженаучением» русского народа [Ильяшенко 2008, 433]. Всем памятна его сравнительная метафора Толстого с «рыкающим львом, ищущим, кого поглотить» (1 Петр 5:8) [Кронштадтский 1908; Гринякин 1904]⁶.

А на другом краю земли Баба Премананд Бхарати молил Бога о долголетию писателю, утверждая, что «...Лев Толстой не может теперь умереть. Пусть он стар, ему может быть хоть сто лет, но он не может умереть сейчас. Он должен прожить еще много лет. Я еще не виделся с ним, еще не удостоился его дружбы – дружбы единственного на Западе человека, обладающего духовным сознанием и любящего Бога, единственного мудреца на незрелом Западе. Он не может умереть, как бы ни старался» [Загородникова (ред.) 2013, 75].

Официальный православный мир отрицал Толстого, как и государственная власть, и многие интеллигенты. К.Н. Леонтьев задолго до 1901 г. называл Толстого «старым безумцем», который «...безнаказанно и беспрепятственно проповедует хулу на Бога», провоцируя власть перейти от инерции к активным действиям и борьбе с инакомыслием (и не только толстовским). Нейтрально настроенные философы пытались теоретически обосновать религиозность толстовской мысли, но открывали ее, скорее, в даосизме или буддизме, чем в христианстве. Безусловно, Толстой пристально изучал религии древности, считая их максимально близкими истине. Известно и его внимание к индуизму – религии браминов, буддизму, даосизму, брахманизму⁷ и т.д. Но был ли он «буддистом», «индусом», «язычником» и т.п. – вот в чем вопрос. При всей близости идеям Востока, поискам примирения религий и универсальных основ сближения,

Толстой стоял на иной позиции, последовательно уча *практическому христианству*, не совсем понятному индусам и не принимаемому в собственной среде. Толстой и его индийские визави понимали, что сохранить культурное ядро нации можно лишь на пути религиозного одухотворения ее текущей жизненной практики. Для них христианство, буддизм, даосизм и другие веры являются лишь разными «номинациями» духовного роста в человеке, утверждения в нем царствия божьего или *разумного сознания*, выражаясь словами Толстого. Любовь и преданность Богу – вот первооснова всех религий, символы-образы, объединяющие восточного и русского верующего. Например, Бхарати был впечатлен общностью их религиозного понимания «...корневого принципа, всепроникающего основополагающего принципа творения – жизни, называемого Богом или Любовью» [Загородникова (ред.) 2013, 74]. Он открыл его религию любви и сквозь «плохой перевод “Воскресения”», и сквозь «Исповедь», поняв, что людей сближает не принадлежность к одной нации или одной религии, но духовная связь, ибо «любовь гуще крови». Эта мысль была близка и «индийскому язычнику», и «русскому христианину»⁸.

Думается, что во многом накал страстей в российских государственных и официальных религиозных кругах был сопряжен с неприятием особого способа выражения повседневного мира, его словесного обнажения Толстым, который В.Б. Шкловский назвал приемом *остранения*. Его *наивный* критически-удивленный взгляд на *всем очевидные явления* оказался смертельным для идеологии и мифологии официальных институций. Как показал ученый, Толстой смотрел на мир *по-детски* и как будто впервые видел то, что не замечали или *автоматически* принимали как данность большинство людей. «Автоматизмом» ученый-формалист называл наши навыки восприятия и законы прозаической речи. Искусство же, с его точки зрения, возвращает ощущение подлинности мира, «...ощущение вещи как видения, а не как узнавания» [Шкловский 1929, 11–13]. Помня стремление Толстого максимально сблизить философию, искусство и жизнь методом *сцепления*, очевидно, что требование «наглядного видения» окружающего мира – для него становится универсальным приемом. «Так пропадает, в ничто вменяясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны», – пишет Шкловский и далее дважды цитирует фразу из Дневника Толстого: «“Если целая сложная жизнь многих проходит бессознательно, то эта жизнь как бы не была”» [Там же, 12]. Автоматизм становится универсальным принципом бессознательного – неосмысленного – принятия веры, культуры, педагогики, науки и самой жизни. Это приводит к слепому восприятию системы власти, которая также автоматически принимает большинство как samozначимая и вечная ценность. Повиновение закону не означало, с точки зрения Толстого, его автоматического нравственного оправдания. Эту «миссию» взяла на себя Церковь, которая давала духовные оправдательные санкции любым законам и любым действиям властей, тем самым, именем «бога» освящая легитимность государственного насилия и репрессий.

Толстой, как художник и мыслитель, прекрасно понимал, по мнению Шкловского, что достичь наглядности «содержания» происходящего можно лишь, опираясь на совершенство формы, которая и влечет эффект «заражения» текстом. Толстой выбирает линзу «народного взгляда», взгляда простака, лишенного лживой оптики эстетизированного (синоним окультуренного) понимания жизни. И эта линза должна оказаться в «глазу высшего общества», мира высшего круга интеллектуалов. Речь, прежде всего, идет о литературе. Герои произведений Толстого, независимо от их социального статуса, только при таком «наивном» взгляде на жизнь, способны духовно «остраниться» от системы с ее лживыми правилами, символами и знаками, и тем самым, условно говоря, победить ложь в самих себе. Наиболее хрестоматийным примером стала «социальная связка»: Платон Каратаев – Пьер Безухов («Война и мир»). В этом смысле не только художественный, но и любой публицистический, фольклорный или философско-аналитический текст перемещает читателя от «эмоции формы» (Л. Выготский) к глубинному схватыванию содержания (сцепляет форму, содержание и смыслы). Остранение из приема искусства превращается в этический способ напрямую «добраться

до совести» читателя. Искусство делает это путем заражения читателя чувствами и переживаниями, которые испытывает художник. При прочих равных условиях только тот художник достигнет цели, кто будет наиболее честен перед собой и искренен перед целым миром. Так, остранение как прием срастается у Толстого с исповедальной основой творчества – *искренностью* выражения чувств и мыслей, не позволявшей его уму и сердцу лгать перед лицом очевидного противоречия между наличными культурными клише, автоматизмом их восприятия и истинной картиной жизни, которую он так гениально выразил.

Толстовское остранение (исповедальность) наглядно видно в его важнейших религиозно-аналитических работах: «Исповеди» (1879–1882), «В чем моя вера» (1884), «Христианство и патриотизм» (1893), «Патриотизм и правительство» (1900), «Царство божье внутри вас» (1893). Именно с последним произведением познакомится М. Ганди «почти случайно»; именно оно перевернуло его мировоззрение, поразив убедительной наглядностью своих истин. «Детский», остраненный взгляд на мир позволил Толстому заменить идею всевластного внешнего *насилия* универсальным внутренним законом жизни – *ненасилием*, непотворением злу насиліем. Ненасилие, как и свобода, – это индивидуальный путь человека в истории, который не может быть лишь фатальным, идейным или политическим. Позже Ганди, подобно Толстому, откроет формулу неучастия во властных структурах как единственный способ борьбы со злом, исходящим от них и назовет ее «несотрудничеством» с английскими властями – «...единственным действенным сопротивлением правительству» [Ганди 2015, 430]. «Наивные» идеи Толстого оказались близки духу индийской ахимсы – ненасилия; в дальнейшем мы наблюдаем явное пересечение идей непотворения злу насиліем и принципа пассивного сопротивления гандизма. Многие действия Ганди кажутся нам *наивными* и схожими с толстовским приемом остранения. Вспомним знаменитый Соляной марш 1930 г., заключенный в демонстративном праве всех людей пользоваться природными дарами. Выпаривание соли из морской воды – это был весьма наивный опыт протеста против колониальной соляной монополии и налога на соль, но он дал уникальные положительные результаты; саботирование индийцами покупок английских тканей и практически религиозный культ ручной прялки, откровенно смешивший англичан; в итоге, английская экономика понесла колоссальные убытки; да и сам *бойкот* как форму *неучастного протеста* против индийского правления в определенном смысле также можно назвать наивной политической акцией «остраненного» типа.

Итак, Толстой показал не только соотечественникам, но и всему миру, к чему может привести «автоматизм восприятия» таких феноменов, как политика, религия, культура. «Использование приема остранения Толстым при формулировании его радикальных взглядов сделало их чрезвычайно спорными» [Christoyannopoulos 2019, 570]⁹. Не трудно заметить, что Толстой ясно видит опасность, исходящую не от самих по себе институтов, но от той некритичной абсолютизации их действий как единственно правильных, которые ведут лишь к катастрофическому ухудшению жизни в стране и трагическому финалу самой системе. Толстой предлагает власти рационализировать ситуацию, соединив критическое видение с логикой понимания и этикой поступков. Он постоянно критикует неправомочность насильственных действий властей в отношении собственного народа, невозможность уничтожить зло злом, однако не с политической, а религиозной позиции. «Остранение» он распространял и на церковную практику: необходим отказ не только от «автоматической жизни», но от «автоматической веры».

Подтверждение принципиальной важности для Толстого непосредственного соединения Слова и Дела в религии мы находим и в его индийской переписке. В письме от 25 июля 1901 г. редактору журнала the Arya A. Рамесешану он пишет, что практическое применение религии к жизни уже реализовано в таких восточных религиях и сектах, как «...джайнизм, буддизм... Кабир-Панчис, в которой основным постулатом является святость жизни и, следовательно, запрет лишать жизни любое существо, особенно человека» [Загородникова (ред.) 2013, 34]. Здесь для Толстого, как и для Ганди,

важны не конфессиональность, не механическое соединение всех религий в одну, но открытие *истинной/разумной* веры. Для Ганди эта мысль воплощена в сатьяграхе (упорство в истине), итогом которой становится духовное воспитание человека и социальное преобразование общества. Толстой постоянно повторяет идею о разумном начале любой веры. В книге «Путь жизни» он посвящает огромный раздел *Разумению* (так он перевел евангельский «Логос»), связи разума и Бога. «Разум дан не на то, чтобы научить человека любить бога и ближнего. Это вложено помимо разума в сердце человека. Разум дан человеку на то, чтобы указать ему, что ложь и что истина. А стоит человеку откинуть ложь, и он научится всему тому, что ему нужно» [Толстой 1928–1958, XLV, 426]. Ганди, вслед за другими индийскими просветителями нашел в Толстом не только близкого по духу человека, который идейно помог ему придать устойчивую форму идее ненасильственного сопротивления (сатьяграхи), но и важнейшую жизненную опору для личностной самореализации, подтверждение правильности своего очень трудного дела по освобождению народов Индии от духовного и физического рабства. В их образе жизни и образе мыслей так много общего, что у идеологов первой половины XX в. даже возник соблазн их полного отождествления. Например, А.В. Луначарский в 1924 г. написал о политике Ганди в Индостане следующее: «Его тактика – толстовская тактика; конечно, есть разница между Толстым и Ганди, но только в деталях – в общем, это настоящий индусский Толстой» [Луначарский web].

Ганди боролся за равенство и свободу народов Индии от колониализма, Толстой выступал за духовное освобождение всех народов от насильственного ига любого правительства, и это придавало его идеям универсальный смысл. Идеи Толстого оказались внеисторичными и во многом утопичными. Он показывает, что человек в своем служении Богу как бы прерывает фатальный ход мировой истории, отстраняется от нее, не пытается ею управлять или изменить. То есть история движется по законам, не подвластным человеку, но человек свободен в своем приближении к Богу. Насколько он приближается к центру духовному, настолько он отстраняется от внешней оболочки жизни: от «животного Я», соблазнов плоти, жажды власти, желания судить, мстить, преследовать других, от насилия и т.д. Чем ближе человек к Богу, тем дальше он от себя «индийского», «русского», «буддистского», «православного» и т.д.; от своих социальных ролей и обязанностей. Толстой был готов «рисковать миром для Бога». Но за этим субъективизмом стоит не отрешение, а вера в возможность *разумного сознания* каждого, направленного на ненасильственное преобразование всех.

Ядро самопознания и любовная связь со своим народом открылись для Ганди и через Толстого-христианина: «Краткое изложение Евангелия» и «Что делать»... Я все глубже понимал безграничные возможности всеобъемлющей любви» [Ганди 2015, 147]. Опережая упреки правильных христиан, хочу напомнить, что в молодости Ганди из всех религий не признавал только христианство. Настрой изменился в Англии, а также под воздействием чтения Толстого. При этом он принципиально разделял позицию Толстого в интерпретации образа Христа, евангельских заповедей, вегетарианства, пацифизма, так и не приняв Христа-Сына Божьего, пожертвовавшего собой для мира и уничтожившего смерть. Он считал, что в смысле жертвенности индусы значительно превосходят христиан [Там же, 145–148].

Ганди организовал Индийский Конгресс Наталя, развивал систему общин – ашрамов, допустив туда даже неприкасаемых (низший, практически проклятый сорт людей в Индии), а Толстой негативно оценивал любые партийные (оппозиционные) ячейки, как левые, так и правые, отрекался от толстовских общин и др. объединений. Он всегда спрашивал, а вокруг чего это объединение происходит и вокруг чего оно должно было бы происходить. Целью, в итоге, всегда оказывался захват власти и ее удержание. В этом так схожи левые, правые и центристы, с его точки зрения. Эти идеи Толстой отразил в своем знаменитом «Письме либералам», которое Ганди советовал включить в круг чтения всем, практикующим сатьяграху [Серебряный 2017, 253]. Толстой спрашивал: «...что может сделать правительство с человеком, который не хочет

публично лгать... <...> Преследуя человека, правительство делает из такого человека возбуждающего общее сочувствие *мученика*... (курсив мой. – С.К.) <...> И стоит только всем тем просвещенным и честным людям... начать поступать так, и тотчас же составилось бы ядро честных, просвещенных и независимых людей, и к ядру этому примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса средних людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряет правительства, – *общественное мнение* (курсив мой. – С.К.), требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности» [Толстой 1928–1958, LXIX, 136–137].

Для религиозного человека очевидно, что целью и смыслом жизни является Бог (разумное – совестливое начало), а единственным способом соединения людей друг с другом становится «стремление к истине». «Вроде того, как если бы люди в огромном здании, где свет падает сверху в середине, старались соединиться по углам кучками, вместо того чтобы всем идти к свету. Тогда, не думая о соединении, все бы соединились» [Там же, XXXI, 131]. Вследствие этого государство бы отменило «автоматически», наивно полагал Толстой.

Ганди во многом разделял базовые положения Толстого. Его исповедь наполнена тем, что Толстой называет восстановлением самоуважения, достоинством человека. Возможно, с точки зрения европейского менталитета трудно понять протест, вырастающий из страстной борьбы с грязью, антисанитарией, ужасающей нищетой и постоянным голодом; во многом именно это заставило Ганди почувствовать всю унижительность жизни своего древнейшего народа перед лицом европейской цивилизации. Зато очень многие народы хорошо поймут протест, основанный на отвратительном унижении человека по расовому или национальному признаку. Когда английский служащий южноафриканской железнодорожной компании выкидывал вещи молодого индийского адвоката из вагона первого класса в Натале, он даже не подозревал, как его рутинный жест станет началом распада колониальной системы на Востоке.

Ганди, практикуя ахимсу, был готов вынести все унижения ради того, чтобы навсегда искоренить в мире «болезни расовых предубеждений». На этом пути важнейшим стало самоуправление (свараджа); владение собой – «...первая ступень подготовки к свараджу» [Ганди 2012, 28]. Однако в дальнейшем структурирование самоуправления носит все более национально-ориентированный и практический смысл: он распространяет идею самоуправления на все формы жизни – в семье, городе, стране. «Изложенное показывает, что наше движение должно носить двойкий характер. Мы можем обращаться с петициями к правительству, агитировать, но для действительного пробуждения народа более важное значение имеет внутренняя деятельность» [Там же, 30], самоуважение нации и личности, обретаемое в учении сатьяграхи.

Толстой через остранение, а Ганди, опираясь на «прагматическое ненасилие», ищут способы соединения теории и практики, слова и дела, целей и средств. «В прагматическом ненасилии, в отличие от принципиального, принимается во внимание эффективность достижения социальных и политических целей. Любая из целей прагматического ненасилия может стать, будучи морально обоснованной, целью принципиального ненасилия. Таковы были наиболее известные случаи использования принципа ненасилия Ганди и Кинга» [Холмс 1991, 24].

Ганди понимал, что абстрактным этическим ригоризмом не удастся победить конкретное зло системы. «Ахимса – основа для поисков истины... вполне допустимо осуждать систему и бороться против нее, но осуждать ее автора и бороться против него – все равно, что осуждать себя и бороться против самого себя» [Ганди 2015, 248]. Поэтому он искал способы компромисса различных форм правления, сосуществования различных наций и религии при консервации государства как общезначимой формы власти. Он превратил принцип ненасилия и уважения к другим – всеобщее начало – в способ формирования и укрепления идеи самоуважения к отдельному человеку и отдельной нации (ее культуре и религии).

Как прекрасно показал опыт Ганди, внешнего врага можно победить ненасилием и гражданским неповиновением; но, как показал опыт Толстого, чтобы победить

внутреннего врага, надо больше сил и способности к выявлению, постижению и сопротивлению злу в самом себе. Он, подобно стоикам и Канту, считал, что нельзя взять ответственность за жизнь другого человека, а вот ответственность за собственные нравственные усилия по отношению к другому можно, ибо первое зависит не только от тебя, а второе – только от тебя.

Пример Ганди показывает универсальность ригористической этики Толстого в теории и ее ограниченность на практике. Для него приоритет принципа ненасилия абсолютен, но это еще не означает, что он сам по себе приведет к праведности и справедливости. Каждый имеет свою свадхарму (долг), по Ганди. Квинтэссенцией соединения ненасилия и долга является *ненасильственное сопротивление* властям в виде мирных акций протеста и действенного неучастия в злых делах государства. Здесь идеи Толстого и Ганди вновь смыкаются.

Примечания

¹ Популярность Л.Н. Толстого в Индии была велика. Большое количество его текстов в английском варианте распространялось во все регионы в Индии. Кроме книг, его публицистические статьи и письма издавались в индийских газетах и журналах. Известна обширная переписка Толстого с индийскими корреспондентами [Загородникова (ред.) 2013].

² Сегодня в обиходе наиболее полный сборник «индийской переписки» Толстого на русском и английском языках, составленный сотрудником ИМЛИ Татьяной Загородниковой: 102 письма с индийскими прогрессивными деятелями и духовными лицами, а также европейцами и русскими, волновавшимися судьбой Индии на рубеже позапрошлых веков.

³ Семь писем за один год. В 2010 г. вышел перевод их переписки на южноиндийском языке малаялам (The Hindu, November 14, 2010).

⁴ Пропагандист идеи чистой любви к Богу, начало XX в. В частности, основал Кришна Хоум (Krishna Home), издательство газеты *The Light of India*, храм Кришны в Лос-Анджелесе [Загородникова (ред.) 2013, 82].

⁵ «Замолчать» юбилей не удалось, хотя это был тот редкий случай, когда желание Толстого и властей полностью совпали. Защита имени Толстого превратилась в массовые акции неповиновения. Уже 27 августа 1908 г. власти отмежевались от запрета Синода, объявив данную позицию «частной» и несогласованной с властью.

⁶ Оппозицию между святым Иоанном Кронштадтским и «рыкающим Львом» представил писатель П.В. Басинский [Басинский 2013]. О. Филипп Ильяшенко также исследует оппозицию между язычником-Толстым и святым Иоанном Кронштадтским. Даже мысль о возможном историческом сближении этих персон кажется священнику такой же кощунственной как «...попытка уравнивать перед судом истории палача и жертву» [Ильяшенко 2008, 434].

⁷ См. статью Льва Толстого «Неделание» [Толстой 1928–1958, ХХІХ, 173–201], главу «Неделание» в книге «Путь жизни» [Там же, XLV, 344–353], рассказы «Карма», «Будда» и др. [Шифман, 1971; Серебряный 2000].

⁸ Примечательно, что в современной отечественной литературе язычником называют чаще всего самого Л. Толстого.

⁹ О связи остранения и критически-разрушительной позиции Толстого писали также [Medgibovskaya (2018); Denner, M. A. (2008)].

Источнику – Primary Sources and Translations

Ганди 2012 – Ганди М. Революция без насилия. М.: Алгоритм, 2012 (Gandhi, Mohandas, *Revolution without Violence*, Russian Translation).

Ганди 2015 – Ганди М. Моя жизнь. СПб.: Азбука, 2015 (Gandhi, Mohandas, *My Life*, Russian Translation).

Гринякин 1904 – Гринякин Н. «Утверди, Господи, церковь». СПб.: Миссион. обозрение, 1904 (Grinyakin, Nikolay, *Confirm, God, Church: Missionary Response to Leo Tolstoy's "Appeal to the Clergy" and "Destruction of Hell and its Restoration"*, in Russian).

Загородникова (ред.) 2013 – Лев Толстой и Индия. Переписка / Под ред. Т.Н. Загородниковой. М.: Наука, 2013 (Zagorodnikova, Tatiana N., *Leo Tolstoy and India. Correspondence*, in Russian).

Кронштадтский web 1908 – Из дневника о. Иоанна Кронштадтского в обличение душегубного еретичества Льва Толстого. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/iz-dnevnika-ioanna-kronshadtского-v-oblichenie-lzheucheniya.htm> (О. John of Kronstadt, *From the Diary*, in Russian).

Луначарский web – *Луначарский А.В.* Толстой и Маркс. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-1/tolstoj-i-marks/> (Lunacharsky, Anatoly V., *Tolstoy and Marx*, in Russian).

Толстой 1928–1958 – *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1958 (Tolstoy, Lev N., *Complete Works*, in Russian).

Шкловский 1929 – *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. (Shklovsky, Viktor B., *About the Theory of a Prose*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Басинский 2013 – *Басинский П.В.* Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013.

Ильяшенко 2008 – *Ильяшенко Ф. Л.Н.* Толстой и святой праведный Иоанн Кронштадтский // Яснополянский сборник. Тула: Ясная поляна, 2008. С. 431–438.

Серебряный 2000 – *Серебряный С.Д.* Восприятие художественного творчества Льва Толстого в Индии (Южной Азии) // Лев Толстой и литературы Востока. М.: ИМЛИ РАН, 2000.

Серебряный 2017 – *Серебряный С.Д.* Об одном сравнительно мало у нас известном тексте Льва Толстого («Письмо к либералам», 1896) // Вестник РГГУ, серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4/2. С. 252–260.

Холмс 1991 – *Холмс Р.* Ненасилие как моральный принцип // Этика ненасилия / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ФО СССР, 1991. С. 23–35.

Шифман 1971 – *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971.

References

Basinsky, Pavel V. (2013) *Svyatoy vs. Leo: John of Kronshtadt and Leo Tolstoy: History of One Enem*, ACT, Moscow (in Russian).

Christoyannopoulos, Alexander (2019) ‘The Subversive Potential of Leo Tolstoy’s “Defamiliarisation”: a Case Study in Drawing on the Imagination to Denounce Violence’, *Critical Review of International Social & Political Philosophy*, Vol. 22, pp. 562–580.

Denner, Michael A. (2008) “Dusting off the couch (and discovering the Tolstoy connection in Shklovsky’s art as device)”, *The Slavic and Eastern European Journal*, Vol. 52 (3), pp. 370–388.

Holmes, Robert L. (1991) “Nonviolence as a Moral Principle”, Guseinov, Abdusalam A., ed., *The Ethics of Nonviolence*, USSR FO Publ., Moscow, pp. 23–35 (Russian Translation).

Ilyashenko, Philipp A. (2008) “Tolstoy and the Holy Righteous John of Kronstadt”, *Yasnaya Polyana Collection*, Yasnaya Polyana, Tula, pp. 431–438 (in Russian).

Kolstø, Pål (2006) “The Demonized Double: The Image of Lev Tolstoy in Russian Orthodox Polemics”, *Slavic Review*, Vol. 65, No. 2, pp. 304–324.

Medgibovskaya, Inessa (2018) “Three Attempts on Carthage: Tolstoy’s Designs of Nonviolent Destruction”, Cicovacki, P., Grek, H.N., eds., *Tolstoy and Spirituality*, Academic Studies Press, Brookline, MA, pp. 180–211.

Serebriany, Sergey D. (2000) “Perception of the artistic creativity of Leo Tolstoy in India (South Asia)”, *Leo Tolstoy and Litterature of East*, Gorky Institute of World Literature, Moscow (in Russian).

Serebriany, Sergey D. (2017) “A Letter to (Russian) Liberals (1896), Lev Tolstoy’s text which is little known yet in Russia”, *Vestnic RGGU, seria “Filosofia, Sociologia, Iscusstvovedenie”*, Vol. 4/2, pp. 252–260 (in Russian).

Shifman, Alexander I. (1971) *Leo Tolstoy and The East*, Nauka, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КЛИМОВА Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии ФГН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Author’s Information

KLIMOVA Svetlana M. – DSc in Philosophy, Professor, Faculty of Humanities, HSE University.